

УДК 17.177

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

А.Ю. Харченко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

В статье дается представление о транзитивном обществе, разъясняется, почему в условиях транзитивного общества идентичность является подвижным конструктом. В эпоху «вовлеченности» личностная идентичность редуцируется к социальной идентичности, что обостряет её кризисность.

Ключевые слова: *идентичность, транзитивное общество, трансформация идентичности, кризис личностной идентичности.*

Наш современник живет в транзитивном обществе, которое характеризуется своей тотальной неопределенностью, социальными трансформациями, подвижностью социальных представлений, нестабильностью ценностей, раздробленной идентичностью, размытостью норм и вероятельных установок. Транзитивность, которая инициирована сменой эпох, изменением картины мира, появлением нового технологического уклада и глобально-информационного пространства, пронизывает как внешнюю социально-ориентированную сторону бытия человека, так и его внутреннюю, интросективную составляющую, личностную, ментальную, духовную, психологическую проекции. Транзитивность в полной мере влияет на личностную практику, идентификационный опыт, ментальные установки, на стратегии поведения. В первую очередь, она касается молодежи и молодежной миграции [1]. Поэтому для анализа диссертационной темы «Социокультурные конфигурации идентичности молодежной миграции» исследовательский интерес представляет наличие и диапазон «транзитивной» репрезентации идентичности.

Транзитивность – показатель разрывов, надломов, наступающих человека и общество. Феномен транзитивного общества связывают с трансформирующимся, модернизирующимся, становящимся, изменяющимся, дрейфующим обществом [2]. Понятия «темпоральность», «кризис», «противоречия», «социальные противоречия», «переходные периоды», «альтернатива», «трансформация» релеванты транзитивности. Транзитивности имманентны смирение, примиримость старого и нового, настоящего и будущего, субъективного и объективного, социального и личного. Постнеклассическая наука, социальная синергетика, переосмысливая категориальный ряд – необходимость, случайность, возможность, вероятность, неопределенность – дают новые методологические ориентиры разрешения кризисов и противоречий. Неравновесность, открытость, нелинейное развитие, бифуркации «позволяют» общественной системе переходить с одного уровня на другой уровень. В такой период транзита, в бифуркационных интервалах рефлексивный субъект в контексте самоизменяющейся среды проявляет свою активно-иницирующую роль, вмешиваясь в процессы, происходящие в транзитивном обществе (см.: [3]).

Так, в горизонте транзитивного общества кризис, будучи составляющим трансформации, предстает как перманентное состояние общества, выяв-

ляет и эмерджентирует новые способы адаптации к изменяющимся условиям существования. Яркой иллюстрацией транзитивной проекции ценностей в обществе является теологическое толкование зла К. Барта, которое позиционируется способностью чувствовать допустимые пределы толерантного отношения к христианскому вольному мыслию. В многотомнике «Церковная догматика» протестантский теолог XX в. показывает, как явление нацизма и Гитлера выражает триумф духовного ничтожества, трансформации зла. В теологии К. Барта зло – это ничтожество, то, что является врагом бытия и самой жизни. Существенное свойство зла – это «темное скопище негативности, жалкое в своей неказистой ничтожности, отвратительное в своем аморальном безобразии и смертельно опасное в своей готовности все осквернить, растлить, разложить, растоптать и уничтожить» (см.: [4, с. 176]). Человек не располагает средствами, чтобы самостоятельно победить зло и спастись. Это инициирует внутренний кризис. Согласно К. Барту, внутренний кризис личности, переживаемый как духовная несостоятельность, и грозящий её уничтожением, приводит вначале к самоотрицанию и духовному вымиранию, а затем сменяется духовным воскресением.

Если транслировать в таком ракурсе понимание «кризиса» на идентичность, то смысловым и методологическим выходом служит постнеклассическая парадигма понимания Я как постоянно изменчивого, множественного, раздробленного, неунитарного; признание кризиса идентификационных структур человека в транзитивных условиях как кризисных «по определению»; признание опережающего влияния на Я «текущей современности» (З. Бауман), того, что следствием форсажных социальных изменений является нарастающая множественность Я-структур и их потенцирование (возможные Я). Известно, что в классическом понимании идентичность – это устойчивая составляющая онтобытия человека, константа его субъектности, ядро личности. Персональная идентичность – это самоопределение личности на сознательном и неосознаваемом уровне, т. е. самополагание, за которым следуют жесткие поведенческие паттерны. Сегодня такая трактовка изменчивости/устойчивости идентичности проблематизируется, как считает психолог Е.П. Белинская: «Во-первых, вопрос о том, являются ли представления человека о самом себе некоторой консолидирующей и интегрирующей константой личности, ее неизменным “ядром” или же эта реальность принципиально изменчива и множественна, онтологически является для любого человека вопросом его субъектности, свободе воли и возможности выбора. Последнее, заметим, помимо сугубо экзистенциального значения, имеет и вполне “приземленные” следствия в виде тех или иных наших решений: например, о том, каков будет и будет ли вообще результат воздействия на меня каких-либо других социальных субъектов – от СМИ до психотерапевта, смогу ли я противостоять им или же в итоге изменюсь» [5]. В философском дискурсе идентичность воспроизводится различением, проявленностью, рефлексивной самоотнесённостью, опосредованным присутствием Другого.

Среди причин вхождения в модальность транзитивности – современная эпоха, которую называют эпохой «постмодерна», «вовлеченности», «консюмеризма», «нонконформизма», «преобразований информации» и т. д. Эпоха нами понимается как особое время социального бытия, такое временение, которое инициирует как бы загадочное, «кодовое», неразгаданное отношение

сознания, мышления (вероятельных символов) и бытия. Следует, вслед за рядом авторов считать, что *современная социальная жизнь характеризуется «вовлеченностью», которая подавляет «знаки», реалии, императивы эпохи «идентичности».* Социальное бытие под кодом «идентичность» проявляет свою кризисность, что проявляется как несоответствие критериев самоидентификации и самоидентификации в динамике социально-исторического бытия. Среди причин кризиса выделяют: несоответствие статуса личности изменившимся условиям; разочарование в наличных социальных идеалах и символах веры; дисбаланс процессов индивидуализации и социализации; диссонанс социальной и персональной идентичностей. Транзитивность и глобализация влекут разрушение традиционных социальных (национальной, классовой, гендерной, религиозной и др.) форм идентичности. Это проблематизирует границы Я – не Я, изменяет вектор поиска условий их проницаемости. Рефлексивность человека становится более социально-ориентированной, заточенной на социальную динамику, что влечет неоднозначность результата самокатегоризации, задает множественность Я, конфликтность персональной и социальной идентичности. Это провоцирует потерю Я-структур, неспособность Я к многопозиционированию, диффузию персональной идентичности. В эпоху «идентичности» наш современник, в первую очередь молодой человек, попадает в «лабиринт идентичностей».

Приходящий на смену эпохи «идентичности» социальный модус бытия «вовлеченность» продолжает проблематизировать идентичность. Э.Ю. Майкова в проекции конституирования автономии личности, персональной идентичности так характеризует эпоху «вовлеченности»: «Современная социальная жизнь характеризуется “вовлеченностью”, предполагающей внешнюю для личности, навязанную социальную интегрированность, такой способ социального рекрутирования, в основе которых лежит навязанность, вмешательство в личное пространство и подавление автономного статуса. В социальной ситуации “вовлеченности” неоднозначно осуществляется самополагание и самоопределение личности, минимизируется паттерн самости. При диктате “вовлеченности” осуществляется интервенция в индивидуальную полиидентичность, что влечет за собой снижение устойчивости личностной автономии, поскольку рефлексивная личность все чаще обнаруживает свою точку бифуркации, свою несоизмеримость с заданными социальными координатами, с властвующими нормами» [6, с. 4].

Заметим, что транзитивное общество с его интервенцией социального, публичного в личное пространство не случайно порождает поли-идентичность личности. Яркой иллюстрацией служит виртуальная реальность, интернет-среда, где «разгуливает» изменяющаяся персональная идентичность с такими уникальными свойствами как анонимность, внетелесность, публичность [7, с. 4].

Наличие поли-идентичности манифестирует о неустойчивости механизма социально-психологической идентификации, о разорванности и сегментарности персональной идентичности, о диссонансе личного и социального. О такой, спровоцированной социальной ситуацией трансформации идентичности пишет Г.Л. Тульчинский: «Мы еще продолжаем идентифицировать личность по непрерывности памяти, внешним свидетельствам вроде документов (паспортов, удостоверений и пропусков), опознаниям и т. п., а также телесным

признакам (отпечаткам пальцев, особым приметам и отметинам). Но постепенно сужение конуса уходит под кожно-волосую покров. Достижения современной медицины (протезирование, генная инженерия, пластическая хирургия, операции по смене пола и т. п.) создают ситуацию, когда тело перестает быть верным гарантом идентификации личности. Тело из онтологической сущности превращается в объект манипулирования, игры, в подобие костюма, который можно не только украшать, но перекраивать и менять... антропоморфность перестает быть персонологически обязательной. Мы утрачиваем общность биологической судьбы зачатия, вынашивания, рождения, даже смерти... Мы вступаем в эпоху постчеловеческой персонологии с весьма нетривиальными последствиями для права, этики и прочих культурных практик. Личность превращается в некую "точку сборки", в некую немонотонную (всюду "ёжистую" вроде функции Дирихле) функцию свободы и ответственности» [8, с. 48].

Таким образом, наше социальное время, конституированное как транзитивность, «вовлеченность» сопровождается кризисом личностной идентичности и переживается как ситуация неопределенности. Неопределенность здесь связана с темпоральной репрезентацией кризиса, с динамическим аспектом личностной идентичности. Речь идет о том, что транзитивность создает новые ситуации и условия, требует от человека постижения их смысла, что влечет изменения ценностно-смысловых структур сознания. При отсутствии изменений в структуре личностной идентичности, их неадекватности идентичность оказывается нереалистичной, нежизнеспособной. Миграция как ситуации неопределенности относится к потенциально кризисным событиям, где на идентификационном уровне идут одновременно процессы адаптации к новым социокультурным условиям и акты ценностно-смыслового понимания ситуации.

В отечественной философской литературе, в концепции постнеклассической рациональности для описания транзитивного общества кроме вышеназванных выделяется концепт «субъект» с его активной ролью и релевантными современному глобальному миру социально-психологическими характеристиками, среди которых идентичность. [9.]. Заметим, что в классической парадигме рациональности понятие «идентичность» различается как самоидентичность, одинаковость, подобие, подлинность. По Э. Эриксону, идентичность есть самосознание, позволяющее человеку создать устойчивое, прочное представление о самом себе [10.]. Идентичность позволяет открыть для себя подлинную человеческую природу, обрести свою целостность. Самоидентификация с помощью общества дает возможность раскрыть себя и стать личностью. Речь идет о таких уровнях образа себя, как человеческая, персональная (личностная), социальная, национальная, этническая, европейская, профессиональная и др. идентичности. Идентичность – это рефлексивное и психоэмоционально важное для человека самоотнесение к кому-то (группе, нации, этносу и т. д.). Однако выстраивание подлинного образа себя требует прочности своих оснований в фундаментальности собственных конструкций, личностного мужества, без обмана и самообмана и, самое главное, желание быть самим собой, уникальной индивидуальностью, самостью; переживать аутентичность и выстраивать личностную автономию.

Однако, социальные и личностные практики, которые мыслятся сегодня как мобильные практики, демонстрируют отказ множества людей от «себя», своей самости, аутентичности, этнического, национального, гендерного

самосознания. Одна из причин такого положения – в трансформационном обществе разрыв в содержательном и формальном, сущем и должном аспектах бытия между старым и новым достиг точки «невозврата», примирение заменилось смирением, признанием того, что, как остро отмечает К. Касториadis: «Наша эпоха – эпоха, когда придумали крайне смехотворный термин “постмодернизм”, чтобы скрыть за ним эклектическое бесплодие, господство достижимого без труда, неспособность творить, отказ от мысли в пользу комментариев – в лучшем случае это каламбуры, а чаще всего – отрывки. Эпоха паразитизма и грабительства, возведенного в принцип...» [11, с. 169–170].

Среди причин подрыва Я-структур и идентичности – в силу слабой рефлексивности в структуре познавательных способностей развитие способности человека к внушаемости, манипулированности. Это подтверждает тот факт, что транзитивность фундирует не только социальную, внешнюю, но и психологическую, когнитивную, духовную составляющие. «Наотмашь» социуму отдается возможность коррекции и конструирования образа себя. Менеджмент идентификации передается в социальные руки. При этом на социум возлагается миссия достижения целостности мыслимых идентичностей. Как справедливо считают П.С. Гуревич и Э.М. Сирова, в эпоху тотального конструирования на вопрос «Кто Я?» отвечает не индивид, а социум и предлагает множество идентичностей. Эти авторы полагают, что, в отличие от эриксоновской интерпретации идентичности как некоего итога и завершенности, редуцируемой к набору личностных качеств, человеческая природа не обладает и не может быть зафиксирована, как и человеческая идентичность – «...это то, чего нет, ибо это постоянное и зыбкое мерцание, бесконечный процесс, а не окончательная данность» [12, с. 86]. Такое понимание идентичности коррелятивно постнеклассической научной методологии, где место «понятий» с окончательным набором признаков исследуемого объекта занимает «концепт» с открытостью границ для содержательных коннотаций объекта.

Список литературы

1. Думнова Э.М. Динамика ментального пространства российской молодежи в условиях транзитивного общества. Автореф. дис. ... д-ра. филос. наук, Новосибирск, 2016. 44 с.
2. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Проблемы субъектов в постнеклассической науке / препринт под ред. В.И. Аршинова и В.Е. Лепского. М.: ИФ РАН, 2007. 176 с.
4. Бачинин В. От Карла Маркса к Карлу Барту // Человек. 2016. № 5. С. 172–176.
5. Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования, 2015. Т.8 № 40 [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html> (дата обращения – 10.11.2016).
6. Майкова Э.Ю. Социально-философская концепция автономии личности. Автореф. дисс. ... д-ра. филос. наук. М., 2016. 43 с.

7. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Интернет как среда развития личности. Переславль-Залесский: Изд-во ИПС РАН, 2004.
8. Тульчинский Г.Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии, 2009. № 4. С. 41–56.
9. Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Том 8. №42 [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168> (дата обращения – 05.10.2016).
10. Эриксон. Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ., общ ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
11. Касториadis К. Дрейфующее общество. Беседы и дискуссии (1974-1997). М.: Издательство Гнозис/Логос. 2012. 328 с.
12. Гуревич П.С., Спирина Э.М. Идентичность и ее тень (Социокультурные конфигурации самоотождествленности) // Человек, 2016. № 5. С. 84–95.

IDENTITY IN A TRANSITIVE SOCIETY

A.Y. Kharchenko

Tver State Technical University, Tver

The article examines a transitive society explaining why under the condition of this society type identity is understood as a mobile construct. In the «engagement» era, the personal identity is reduced to a social identity thus aggravating its crisis.

Keywords: *identity, transitive society, identity transformation, personal identity crisis.*

Об авторе:

ХАРЧЕНКО Андрей Юрьевич – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru.

Author information:

KHARCHENKO Andrey Yuryevich – Ph.D. student, Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru.